

постаці великого поета Чеслава Мілоша, а й сутності покликання поета загалом і сутності поетичної творчості. Ми також вдячно розглядаємо історико-літературне, біографічне дослідження автора як джерело пізнання широкого контексту творчості Чеслава Мілоша, що дозволяє розкодувати не одну герметичну метафору чи алюзію його мовотворчості.

ЛІТЕРАТУРА

1. Franaszek A. Miłosz. Biografia / Franaszek Andrzej. – Kraków: Wydawnictwo Znak, 2011. – 955 s.
2. Miłosz Czesław. Wiersze wszystkie / Czesław Miłosz. – Kraków: Wydawnictwo Znak, 2011. – 1406 s.
3. Miłosz Czesław. Ziemia Ulro / Czesław Miłosz. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1982. – 280 s.
4. Miłosz Czesław. Rodzinna Europa / Czesław Miłosz. – Paryż: Instytut Literacki, 1989. – 246 s.
5. Miłosz Czesław. Rok myśliwego / Czesław Miłosz. – Paryż: Instytut Literacki, 1990. – 281 s.
6. Zawada A. Miłosz / Zawada Andrzej. – Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 1996. – 273 s.
7. Сидяченко Н.Г. Самоідентифікація письменника (на матеріалі есеїв Чеслава Мілоша «Земля Ульро»): [у Мова і культура; вип. 12] / Сидяченко Наталія Георгіївна. – Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – С. 310-317.
8. Сидяченко Н.Г. Семантика ріки в мовотворчості Чеслава Мілоша: [у Київські полоністичні студії; т. XIX] / Сидяченко Наталія Георгіївна. – Київ, 2012. – С. 127 – 133.

УДК 821.161.1.09(Цветаева)

Фокина С.А.
(Одесса, Украина)

СПЕЦИФИКА ВАРИАТИВНОСТИ ЛИРИЧЕСКОГО СЮЖЕТА В ЦИКЛЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «ДОН-ЖУАН»

У статті увагу зосереджено на осмисленні варіативності ліричного сюжету циклу М. Цветаєвої «Дон-Жуан». Специфіка варіативності ліричного сюжету розглядається в контексті естетики незавершеності та процесу смислопородження.

Ключові слова: *варіативність, ліричний сюжет, естетика незавершеності, смислопородження.*

В статті внимание сосредоточено на осмыслении вариативности лирического сюжета цикла М. Цветаевой «Дон-Жуан». Специфика вариативности лирического сюжета рассматривается в контексте эстетики незавершенности и процесса смыслопорождения.

© Фокина С.А., 2013

Ключевые слова: вариативность, лирический сюжет, эстетика незавершенности, смыслопорождение.

In the article attention is concentrated on the comprehension of variantness of lyric plot of cycle of M. Tsvetaeva «Don Juan». The variantness of lyric plot is examined in the context of aesthetics of incompleteness and process of sense-generation.

Keywords: variantness, aesthetics of incompleteness, lyric plot, sense-generation.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена интересом современного литературоведения к авторскому миру и его многоуровневым проявлениям. Одним из таких проявлений является феномен вариативности лирического сюжета.

Среди произведений М. Цветаевой, наиболее самобытно отражающих вариативность лирического сюжета, следует, прежде всего, назвать цикл «Дон-Жуан». В цветаеведении ряд исследователей давали оценку данному циклу (А. Эфрон [1]) и даже включали его в поле своего научного поиска (Н. Осипова [2], Т. Ивашина [3]). Но говоря о своеобразии истолкования М. Цветаевой личности Дон-Жуана и переосмыслении поэтессой пушкинской и даже моцартовской традиций, цветаеведы не уделяли достаточного внимания осмыслению специфики вариативности лирического сюжета цикла.

Цель данной статьи – поливалентный анализ вариативности лирического сюжета цикла М. Цветаевой в контексте эстетики незавершенности и процедуры смыслопорождения.

Вариативность лирического сюжета, обладая принципиальной незавершенностью, позволяет реализоваться различным перевоплощениям и трансформациям. Согласно мысли Е. Фарыно именно вариативность наряду с трансформативностью порождают «такие образования, как циклы или сборники, приближающиеся к 'поэме'» [4, с. 523]. Одним из основополагающих принципов эстетики незавершенности следует назвать «установку на диалог с читательским сознанием», способствующий «специфически реализуемому смыслообразующему значению» [5, с. 118].

Обращаясь к художественному опыту М. Цветаевой целесообразно говорить о двух тенденциях незавершенности. Смысловую доминанту одной из этих тенденций верно определил Н. Лейдерман, отметив, что «открытый финал становится символом "выхода из зримости", перехода в сферу невыразимого» [6, с. 682]. В качестве более имплицитного проявления эстетики незавершенности в поэтическом мире М. Цветаевой можно выделить вариативность лирического сюжета. В данном исследовании внимание будет сосредоточено на осмыслении художественной специфики цикла М. Цветаевой «Дон-Жуан».

Лирический сюжет цикла «Дон-Жуан» организован как различные варианты самопознания лирической героини. Образ Дон Жуана становится «зеркалом», способствующим как самоидентификации героини, так и моделированию различных типов ее ролевого поведения.

Дон Жуан один из самых популярных образов в мировой литературе. М. Цветаева в цикле «Дон-Жуан» дает свою интерпретацию личности Дон Жуана, переосмысливая характерные черты и мотивы, связанные с мифом, созданным обширной традицией. В цветаевском мифе Дон Жуан изображается посредством женского восприятия. Особенностью цикла становится то, что сущность героев раскрывается во взаимосвязи, при этом именно лирическая героиня, выдвигается на первый план, совмещая в себе повествователя и участницу любовного поединка.

В цикле, состоящем из семи стихотворений, можно выделить четыре темы. Все стихотворения цикла, кроме последнего, попарно образуют тематическое единство. Тема задается и варьируется в обоих стихотворениях, либо представляя различные ее решения, либо последовательно развиваясь. Первые два стихотворения образуют некий зачин, их тема – встреча героев. Третье и четвертое стихотворения эксплицируют сущность лирической героини, пятое и шестое – определяют психотипы и ролевое поведение обоих героев. Последнее – подводит итог цикла. Новаторство М. Цветаевой в осмыслении темы заключается в принципиальной незавершенности и вариативности характера героя и в соответствии с этим активизации смыслопорождения и самоопределения лирической героини.

Первое стихотворение цикла «На заре морозной...» строится на противопоставлении Дон-Жуана родине лирической героини – условному месту их встречи. Признаками родины становятся холод («*И замерз колодец*»), православность («*А у богородиц – / Строгие глаза*») и колокольный звон, в поэтике М. Цветаевой символизирующий благословенность (ср. «*Стихи о Москве*»).

Назначение свидания напоминает фольклорный заговор, заклинание. Лирическая героиня приглашает Дон Жуана, одновременно вызывая из небытия его дух. При этом оговаривается, что место их встречи не соответствует ни любовному свиданию («... *в моей отчизне / Негде целовать!*»), ни сущности Дон Жуана («*Да и вам, красавец, / Край мой не к лицу*»).

Главным условием встречи героев становится необходимость угадывания нового воплощения Дон Жуана, доступное только лирической героине:

Ах, в дохе медвежьей

И узнать вас трудно,

Если бы не губы

Ваши, Дон-Жуан.

Лирическая героиня преодолевает запреты, отказываясь от привычного образа жизни и противопоставляя благочестию пассионарность своей природы, которая сближает героиню с Дон Жуаном.

Второе стихотворение цикла «*Долго на заре туманной...*» продолжает тему встречи героев, изображающуюся посмертной. Появляется оппозиция: снег и жар. Снег соотносится со смертью («*Уложили Дон-Жуана / В снежную постель*»), а жар является характеристикой героя («*Ни гремящего фонтана, / Ни горячих звезд...*»). Лирическая героиня в одиночестве прощается с героем. Возможность для Дон-Жуана получить в посмертный дар любовь («*Я тебе сегодня ночью / Сердце принесу*») и благословение подчеркивает их особую связь:

А пока – спокойно спите!..

Из далеких стран

Вы пришли ко мне. Ваш список –

Полон, Дон-Жуан!

В третьем стихотворении цикла с образом героя связывается мотив странничества, который интерпретируется поэтессой как вечный поиск новой любви («*После стольких роз, городов и тостов...*»). Лирическая героиня изначально отвергает сближение, мотивируя это выключенностью из жизни обоих участников коммуникации: «... *Вы – почти*

что *остов*, / Я – почти что *тень*». Уподобление лирической героини тени вводит мотив смерти и отрешенности от земного мира, что становится отсылкой образу Эвридики и дочери Иaira. Подобные ассоциации закрепляются благодаря появлению аллюзий, позволяющих расценивать стремление Дон-Жуана к обольщению, как пародирование Орфея спускающего в Аид и безутешности Иaira из-за смерти дочери.

Лирическая героиня, отвергнув попытку обольщения, находит подходящую форму отношений с героем, выступая, как рассказчица («*Нет, уж лучше я расскажу Вам сказку...*»). Эта позиция, в контексте творчества М. Цветаевой, является аллюзией поэтического дара, а также кодом особого типа поведения и эротичности, соединяя в себе соблазн слова и женственности.

Пространство в сказке карнавализуется и напоминает стилизацию театра марионеток («*Кто-то бросил розу. Монах под маской / Пронесил фонарь*»). Фиксируется время действия – зима («*Был тогда – январь*»), героиня из тени превращается в Кармен («*В тот самый час Дон-Жуан Кастильский / Повстречал – Кармен*»).

Дон Жуана и Кармен сближает общая родина – Севилья, в отличие от России – родины лирической героини. При этом оба героя связаны с музыкой, именно их оперная ипостась способствовала популяризации и романтизации, а главное мифологизации этих образов. Кроме всего перечисленного, Дон Жуан – персонаж, к которому обращался П. Мериме, создавший изначальный образ Кармен. Литературность, оперность и своеобразная духовная родственность Дон-Жуана и Кармен, их равновесие обуславливает то, что согласно цветаевскому мифу, встреча героев возможна лишь в пространстве сказки.

Четвертое стихотворение продолжает развитие лирического сюжета предыдущего. Доминирующим становится мотив любовного поединка, решаемого как психологическое противостояние героев. Пространство и динамика отношений театрализируются, приобретая более напряженный, но несколько схематический характер («*Ровно – полночь. / Луна – как ястреб*»). Присвоение лирической героиней маски Кармен позволяет изменить стратегию коммуникации. Лирическая героиня сохраняя некоторую дистанцию, стремится к узнаванию и глубинному пониманию природы героя (« – *Узнаешь? – Быть может*»). Для Кармен важно не то, кто именно ее коммуникативный партнер, а ощущение своей внутренней роковой силы, то есть знание, что она Кармен (« – *Дон-Жуан я. / – А я – Кармен*»).

Стоит вспомнить высказывание М. Цветаевой о Дон Жуане, проясняющее отношение и оценку этого образа поэтессой. В 1925 году М. Цветаева в письме к О. Е. Черновой вновь вернется к осмыслению образа Дон Жуана. «... будь Дон-Жуан *глубок*, мог ли бы он любить всех? Не есть ли это «всех» неизменное следствие поверхности? Короче: можно ли любить всех – трагически? Ведь Дон-Жуан смешон... Или это *трагическое* всех, трагедия вселюбия – исключительное преимущество женщины? (Знаю по себе)» [7, с. 603]. Возможно, эта мысль сформировалась еще в период работы над циклом и появление Кармен – не только необходимость введения образа, родственного Дон Жуану. Следуя за логикой М. Цветаевой, Кармен – образ более трагический и глубокий. В цикле «Дон-Жуан» поэтесса сближает лирическое «я» с героем, чтобы более точно охарактеризовать психотип, соответствующий авторскому мифу, при этом иронизируя над Дон Жуаном и противопоставляя ему женский образ.

Заключительное стихотворение цикла «*И разжигая во встречном взоре...*» строится как монолог лирической героини, обращенный к Дон Жуану. Страсть, по-прежнему, остается доминантой личности Дон Жуана:

Томленьем застланы, как туманом,
Глаза твои.
В петлице – роза, по всем карманам –
Слова любви!

Мотив странничества, подчеркивает амбивалентность героя («*И разжигая во встречном взоре / Печаль и блуд*»), которая становится определяющей в авторском понимании образа. Дон Жуан наделяется одновременно демоническими («*зверски-черен*») и мученическими («*небесно-худ*») чертами. Лирическая героиня признает в герое родственную натуру и достойную пару («*Я посылаю тебе улыбку, / Король воров!*»). Герой теперь осознается как источник творческого вдохновения для лирической героини.

Необходимость переосмысления образа героя и соответственно высветивания других сторон психотипа лирического «я» побуждают М. Цветаеву интерпретировать любовный поединок как интенцию творчества:

И узнаю, раскрывая крылья –
Тот самый взгляд,
Каким глядел на меня в Кастилье –
Твой старший брат.

Такой трактовке способствует созвучие слов «Кастилья» и «Кастальский источник» – символ поэтического вдохновения. Несмотря на то, что этимологически реальный и мифологический топосы не связаны, можно предположить, что для поэтессы их сближение представляется актуальным. Подобное допущение подтверждается, если вспомнить слова М. Гаспарова о пристрастии М. Цветаевой к подобного рода экспериментированию «когда слова сближаются не только по смыслу, но и по звуку, и этот звук подсказывает некоторый общий мерцающий, не поддающийся точному определению смысл» [8, с. 314]. Новая смысловая нагрузка образа Дон-Жуана позволяет соотнести его с поэтическим гением (ср. «*на тирах молодой поэзии – Жуана*» [9, 4/1, с. 17]), пробуждающим в лирическом «я» крылатость и поэтический дар.

Возникает идея замены эротического обольщения духовным: соблазном творчества. Одиночество Дон Жуана, изображенное в последнем стихотворении – это одиночество поэта, одна из излюбленных тем М. Цветаевой. Именно поэтический дар определяет равнозначность героев.

Подводя итоги, следует отметить, что вариативность лирического сюжета цикла «Дон-Жуан» определяется, прежде всего, статусом лирической героини, совмещающей в себе в неосинкретическом единстве повествователя и участницу любовного поединка.

Внутриречевая коммуникация дает возможность М. Цветаевой варьировать образную систему. Лирическая героиня попеременно обращается то к маске мудрой женщины, отрешенной от любви, то к маске Кармен, представляющей роковую силу, равную герою. Именно Кармен оказывается наиболее подходящей участницей любовного поединка. И она, и Дон-Жуан символизируют разрушительный характер любви и в то же время, любовь определяет их сущность.

Если в первых стихотворениях цикла тип коммуникации между героями – это отношения «разминовения», далее развивающиеся как любовный поединок, то в последнем – они становятся гармоничными, ибо теперь их основа – поэтическое вдохновение.

В данной статье на материале цикла «Дон-Жуан» изучена феномен вариативности лирического в плане его смыслопорождающего потенциала. Такой подход предлагает возможный вариант решения проблемы смыслопорождения в поэтическом тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эфрон А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери / А. Эфрон. – М. : Советский писатель. – 1989. – 480 с.
2. Осипова Н. О. «Мощартянский миф» в поэтическом сознании М. Цветаевой (К художественной рецепции «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина) / Н. О. Осипова // Материалы седьмой цветаевской международной научно-тематической конференции: А. С. Пушкин – М. И. Цветаева : [сб. докл.]. – М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. – С. 97–106.
3. Ивашина Т. М. Лирический цикл Марины Цветаевой «Дон-Жуан» в контексте русской и общеевропейской дон-жуановской традиции / Т. М. Ивашина // Творчість Марини Цветаєвої в контексті культури Срібного віку. Матеріали міжнародної конференції, присвяченої 105-річчю від дня народження М. Цветаєвої : [сб. докл.]. – Дрогобич, 1998. – Ч. I. – С. 79–84.
4. Подчиненов А. В. Энергия незавершенного / А. В. Подчиненов, Т. А. Снигирева // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : в 3 т. – Т. 1. – Екатеринбург, 2012. – С. 115–118.
5. Фарино Е. Введение в литературоведение : [учеб. пособ.] / Ежи Фарино. – СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.
6. Н. Лейдерман Сюрреалистическое мировосприятие и жанр «гиперлирической» поэмы (М. Цветаева «Поэма Воздуха») / Н. Лейдерман, О. А. Скрипова // Теория жанра : [монография]. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2010. – С. 663–682.
7. Цветаева М. И. Избранные сочинения : в 2 т. / М. Цветаева. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. – М. : Литература, 1998. – 656 с.
8. Гаспаров М. Л. Марина Цветаева : От поэтики быта к поэтике слова / М. Л. Гаспаров // Избранные статьи. – М. : Новое литературное обозрение, 1995. – С. 307–315.
9. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. Цветаева. – Т. 4. Кн. 1 : Воспоминания о современниках / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. – 1997. – 416 с.